

Рахман Кусимов

**Музыка.
Жизнь. Свет**

СТИХИ 2004–2015

Рахман Кусимов

Музыка. Жизнь. Свет.
Стихи 2004—2015

«Издательские решения»

Кусимов Р.

Музыка. Жизнь. Свет. Стихи 2004—2015 / Р. Кусимов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744403-7

В книгу стихов петербургского автора Рахмана Кусимова «Музыка. Жизнь. Свет» вошли стихи, написанные им за период с 2004 по 2015 годы.

ISBN 978-5-44-744403-7

© Кусимов Р.
© Издательские решения

Содержание

из-за штор	6
переводчик	7
нрзб	8
крепкие	9
magnum	10
сон	11
туда	12
«всё ходишь, всё ждешь подвоха, даром что стал большим...»	13
день победы	14
кукушка	15
в гости	16
«жизнь как жизнь...»	17
зимнее письмо наташе-2	19
предновогоднее	20
просто жить	21
городское	22
петербургский набросок	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Музыка. Жизнь. Свет
Стихи 2004—2015
Рахман Кусимов

© Рахман Кусимов, 2016

ISBN 978-5-4474-4403-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

из-за штор

я бы мог и взахлёб, навзрыд, мне нашлось бы, о чём навзрыд,
чтобы строчка дала эффект пресловутого кома в горле,
потому что и впрямь – болит, ведь у всех что-нибудь болит,
но, сдержавшись в который раз, я зачем-то пишу другое.

нет бы выглянуть из-за штор, нет бы, выглянув из-за штор,
заявить, что неважно – как, что могу хоть глагол с глаголом;
ведь и вправду неважно – как, но гораздо важнее – что
/эй, трубите во все концы, что король оказался голым/.

мир печален, но он красив, улыбнись, он же так красив,
ничего не хочу писать, я тобой хочу любоваться,
потому что люблю тебя, разрешения не спросив;
потому что уходят дни, и не двадцать уже, не двадцать.

я в словесной тону воде, но когда не тону в воде —
я стою. подо мной земля. неизбежное небо – выше.
так стоят поезда порой на пустых полустанках, где
никогда б не вошёл никто и никто не вышел.

переводчик

в ночь, когда
сонный город застыл,
огорошенный
снежным драже,
переводчик
наводит
мосты
на высоком
своём
этаже;
он не спит, потому что привык,
и, касаясь бумаги едва,
на живой переводит язык
ненаписанных текстов слова.

нрзб

...жизни всё меньше, и, кроме прочего,
не попросить запасной.
это потом я стану пробелом, прочерком,
именем в памяти, голосом в записи,
цифрами в записной.
в праздник ли это, в разгаре ли дня рабочего, —
выпадет время лингвистики:
птичий, латынь, санскрит.
это потом я
[далее неразборчиво:
кто невзначай услышит – не повторит]

крепкие

Какого б ни был ты роду-племени, хоть церемонься, хоть оборзей, – такое время, что мало времени и у знакомых, и у друзей. И не с кем выпить, и не с кем ссориться, и на двенадцатом этаже ты всё лелеешь свою бессонницу, не изгоняемую уже. Луна плывёт бригантиной по небу sentimentalного сентября, а ты выдумываешь кого-нибудь, напоминающего тебя. Ты называешь героя Гришкой, представив, с музами сообща, как он с классической ходит стрижкою и курит крепкие натошак. Он пробавляется скромным ужином, аскет аскетом во всей красе, и нет сомнений в его недюжинном таланте быть не таким, как все. И всё отчётливей с каждой фразой его проглядывают черты. Вы с ним похожи, как было сказано, но он разборчивее, чем ты. И вот, иных забывая начисто, почти прозрев к двадцати восьми, он скажет: «в людях важнее качество, а не количество, чёрт возьми». Красив и молод – живи и радуйся, вставай с улыбкою поутру... Но он печален. Но он под градусом. Он курит крепкие на ветру. А город манит своими видами, и что с того, что ночной порой себе зачем-то героя выдумал такой же выдуманный герой...

magnum

I

Мало радости ждать трамвая в одиночестве на кольце. Всё, что медленно забываешь – отпечаталось на лице. Связь пропала – смени тарифы, абонентам иным под стать. Наплевать на стихи и рифмы. И на прочее наплевать. Дни туманны, и воздух горек. Нет бы всё по-другому, но – перед взором всё тот же город, с той же улицей, где темно. И когда б соблюдать обычай, то, чем жил, в дневнике храня, вряд ли много б нашлось отличий одного от другого дня. И уже не понять, где правда невзначай переходит в ложь, и от жизни в режиме «авто» до смертельного устаёшь.

II

Мало радости быть заплатой на отрепье дурных времён. Не труби о беде, глашатай, – будешь проклят и заклеймён. Век суров: мы живём и дышим, а другие, презрев табу, промедом по скользким крышам искушают свою судьбу. Но покуда на дне колодца видно небо, что над тобой – сердце бьётся, как прежде, бьётся, а, верней, продолжает бой. Это значит, что я не сгину, как бы ни был резон высок – оттого ли, что выстрел в спину предпочтительней, чем в висок; оттого ли, что жизнь прекрасной предстаёт ещё вопреки прозорливцам, которым ясно, что случится в конце строки.

СОН

потом приходит сон, где он парит
и тихо неземное говорит:
смотри, смотри, я тень, я дым, я свет,
я тот, кого на свете больше нет,
не бойся, говорит, я дождь, я снег,
я небо навсегда, я сон навек,
смотри, смотри, теперь, когда я здесь,
я тот, кто я на самом деле есть,
теперь я весь о том, что всё пройдет,
язык без слов и музыка без нот,
и вот теперь, когда я тишина,
я больше жизни, выше, чем она;
теперь я весь о небе и любви,
а ты – живи.

туда

туда, где нет рабочего режима,
и всё потом, пожалуйста, потом;
туда, где лето неопровержимо, незыблем дом,
ещё все живы;

где в школьном своевременном трамвае
забрезжит контролер, того гляди;
где первый снег, приставка игровая, жизнь впереди
как таковая;

где чайник со свистком монументален
и чуть расплывчат гость к шести часам;
где сладки шоколадные медали (виновен сам —
других не дали);

там диск на телефонном аппарате
вращается, и ждешь, и ждёшь ответ,
но дозвониться времени не хватит за столько лет.
(за сколько, кстати?).

там лес, река, и солнце к ним впридачу,
там лишнее творим и говорим,
там бабушкин пирог на светлой даче неповторим.
теперь – тем паче.

теперь, когда все те, кто стали светом,
отчалив к неизбежным берегам,
назад не приплывут (по всем приметам), —
что делать нам?
жалеть об этом.

**«всё ходишь, всё ждешь подвоха,
даром что стал большим...»**

всё ходишь, всё ждешь подвоха, даром что стал большим,
всё чудится, будто кто-то скажет, пальцем грозя:
«что ты живёшь неправильно, кто тебе разрешил,
становись немедленно в угол, ведь так же нельзя».

прислушиваешься – тихо. Эй, хандра, отвяжись:
всегда есть на что посетовать да забыть о чём,
но кажется, что ещё чуть-чуть, – и начнется жизнь,
зазвенит, встрепенется, проснется, забьёт ключом.

жизнь, в которой все счастливы, найдены, прощены,
все друг с другом в расчёте и даже легче дышать.
память дурная, слово зыбкое, чувство вины:
всё, что мешало прежде, впредь перестанет мешать.

добрыми станем, светлыми, всё понимать начнём,
выберемся, отречёмся от мышинной возни,
настанет иное время, помни, помни о нём,
а что не здесь, не теперь, – так всё тебе объясни.

день победы

Весенний вечер, утки на пруду,
Покой воды, прохожий с сигаретой.
Мне б надыхаться прежде, чем уйду,
Пронзительной размеренностью этой.

Здесь время не вперед идёт, но вспять,
А запахи из прошлого и ветер
Дурманят так, что кажется – опять
Мне десять лет, я знаю всё на свете.

Мне б наглядеться вдоволь в эту даль,
Один ли час понадобится, два ли.
Как удержать всё это, очень жаль,
Учителя нам не преподавали.

кукушка

и вот ты стоишь и видишь перед собой
большое озеро, лес, облака,
притом
кукушка тебе предсказывает отбой,
и ты считаешь, а это уже симптом.

не верь кукушке, да где ж ей, кукушке, знать,
и всё же порой поглядывай на часы:
пока ты здесь прохлаждаешься допоздна,
с тебя, между прочим, дерево, дом и сын.

но травы шумят, и слышен ручей вдали,
и, на мгновение с миром утратив связь,
закроешь глаза, как в детстве: чтоб не нашли,
и всё растворится, музыкой становясь.

В ГОСТИ

Д.Ю.

а вечер светел, и путь мой прост,
и нет ни обид, ни злости,
когда я в сумерках через мост
иду, направляясь в гости.

хозяйка будет со мной мила,
предложит что-нибудь к чаю,
расспросит, как у меня дела,
и я ей поотвечаю;

но пару раз, или больше, за
недолгую нашу встречу,
она вздохнёт, отведёт глаза,
я будто бы не замечу.

мы с ней обсудим диктат начальств
и то, что мелка эпоха,
и мне б остаться ещё на час,
да с транспортом нынче плохо.

и замаячит передо мной
вечерняя перспектива,
где чайка кружится над волной
спокойно, неторопливо.

«ЖИЗНЬ КАК ЖИЗНЬ...»

жизнь как жизнь
в тисках очередей
в транспортных заторах
люди
лица
и расторопен этот день
только он и делает
что длится

тут у всех
куда ни погляди
понедельник
в этом все похожи
что ж ты ходишь
с осенью в груди
прошное
не делает моложе

но когда ветра со всех сторон
внять императиву «жить играя»
и пойти к вокзалу
где перрон
пахнет одиночеством
и гарью

а наутро
бросить якоря
на часок-другой
забавы ради
в парке
где расцветка октября
навевает
мысли о Канаде

и другие обо всём подряд
день как день
и что с него возьмёшь
но
жизнь всего одна как говорят
впрочем ошибаются
возможно

там где превращаются в зеро
время и пространство
(так честнее)

ТОТ
кто вывел Формулу всего
ТИХО
улыбается над нею

ЗИМНЕЕ ПИСЬМО НАТАШЕ-2

Если холодно, мрак, зимний вечер, и ни чай не спасёт, ни сабли, если Невский в снегу и Кузнечный – значит, здравствуй, моя Натали. Подобрал подходящее слово для приветствия / солнце -? малыш -?/, я письмо напишу тебе снова; ты в ответ, как всегда, промолчишь. Что молчание? Как ни гордись им, на тебя – и обидеться грех. Но из всех, кто не пишет мне писем, ты не пишешь всегда лучше всех. Жизнь идёт в направлении «мимо», и, попасть не стараясь в мишень, измеряю количеством дыма то, насколько паршиво в душе. И – на юность не рано ль молиться? – но, хотя ещё молод /скажи!/, в шуме радиоволн из столицы я всё чаще ловлю «Ностальжи». Всё смешалось. На свете, похоже, не бывает прекрасных времён. Рубикон должен быть уничтожен. Карфаген должен быть перейдён. Ах, Наташа, оставь шуры-муры, я теперь понимаю в тоске: мы с тобою всего лишь фигуры на большой чёрно-белой доске. Вечна партия в шахматы эта /замечаешь иронию, ы?/, где с одной стороны – силы света, а с другой – соответственно, тьмы. Но и пешкой немало протопав, я не шёл на поклон королю – просто я не люблю мизантропов. Я вообще никого не люблю. Что из нового? Вроде всё так же. Дом культуры снесли, говорят. Ах, Наташа, Наташа, Наташа, зря ты всё же уехала, зря, этот город «над вольной Невою» променяв на другой, с буквы «М.» – так с Parliament'a lights поневоле переходят на синий L&M... Я надеюсь, письмо завершая, что мы встретимся вновь бла-бла-бла – да, Земля, может быть, и большая, но она, как известно, кругла.

предновогоднее

Вот он перед тобой – этот мир. Принимай как есть.
Да, не в лучшие, но и не в худшие из времён.
Здесь припишет тебя иностранное слово «nuxt»
К поколению всех не заставших кафе «Сайгон».

Вот он – ты, дорогой. И пока что ещё живёшь:
Приготовься, что в срок, отведённый тебе сгореть,
Мир в масштабе тебя не изменится ни на грош.
Мир в масштабах иных поменяется лишь на треть.

Но встречая друзей по прошествии многих лет,
Вроде молод ещё и всё тот же имея нрав,
На вопрос «ты ли это?» привычно пошутишь «нет»,
Понимая едва ли, насколько ты будешь прав.

просто жить

...просто жить, просто жить, покуда
мир с собою не стал войной,
в заведении «Барракуда»
пить эспрессо, причём двойной,
не судить ни живых, ни мёртвых,
ибо сам-то не свят пока,
и отсчитывать дни, и мёд их
собирать как нектар с цветка,
и надеясь, что «время лечит»,
на каком-нибудь рубеже,
ожидая, что станет легче,
вдруг понять, что легко – уже.
и однажды, со всеми квит, ты
пробудишься, и вот она —
вожделенная dolce vita,
заслужил, получай сполна.
и пока что здоров и в силе,
и всё та же осталась прыть,
да и все, кто тебя любили,
продолжают тебя любить.

городское

петербургский набросок

Глухими пройти коридорами,
И выйти на улицы, где
Под консервато́рское «до-ре-ми»
Мосты застывают в воде.

И видно вдали Академию,
И было бы небо темно,
Но по петербургскому времени —
Без четверти белая ночь.

И ходят трамваи, да где уж там —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.